

АСТАБИЯ
ИЛИОС

Текст: Айгуль КЕМЕЛБАЕВА, прозаик, эссеист, кинодраматург, лауреат Государственной молодежной премии «Дарын» РК

АКАДЕМИК Сейит КАСКАБАСОВ В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

Современное искусство вновь возвращается в свое первозданное лоно, обильно используя фольклорные и мифологические мотивы.

Вечному огню народной мудрости и поверий не суждено погаснуть. Его трепетно поддерживают ученые, поэты, писатели, художники, бережно передавая духовную сокровищницу из поколения в поколение. Если вспомнить, что особую роль в ритуале зороастризма играл огонь, то искусство навечно окрыляло и обоготворило душу человека. Анимизм, вера в существование бесплотных существ – духов, ангелов, демонов, богов и божеств, одним словом, детство человечества позже наименовали язычеством.

Земные народы не особо отличаются друг от друга в своем поэтическом одушевлении природных сил, стихийных духов естества, всего, что буйно, но одновременно и дико создавала мать-природа. По этому поводу можно привести яркие примеры сопоставления конгениальности природной лирики Абая и румынского классика Михаила Эминеску.

Кто – в белом, могуч, серебрист бородой,
Враждуя со всеми, слепой и глухой.
Заиндевав сплошь, хмур и грозен лицом –
По снегу скрипя, подошел к нам с тобой?..
То старый твой сват, чье дыхание – буран.
Сварливо свистящий в степи вековой.
Он в шапке из клуб облаков кучевых,
Румянясь, краснеет от стужи крутой.
Косматые брови нависли до глаз,
Пойдет снегопад, как качнет головой,
Когда разъярится, поземкой крутя,
То юрты дрожат от растряски такой.

(Абай. «Зима», перевод с казахского Ауезхана Кодара)

Вот из-под сводчатых скал, из горных ворот
величавых

Вышел старик Ураган, на плечах облаков погоняя
Молниеносных коней, запряженных в возок
громозвучный.

В ветре его борода развеивается мглой серебристой.
Волосы спутаны вихрем; венец зубчатый на старце,
Из голубеющих звезд и молнии алой сплетенный.
Гулко хохочет старик, увидя, как горы схватили,
Скальные шапки свои и, кланяясь, назем швыряют.
Шумно хохочет и лес, сердечно приветствуя старца, –
И вековые дубы, и чинары, и древние сосны.

(Отрывок из стихотворения М. Эминеску «Мифологическое». Перевод. С. Шергинского)

Если цивилизация (от слова «город») включает в себя понятие культурного наследия, тогда академик Сейит Каскабасов почти полностью изучил казахский контент в фольклористике. Тем самым, ученый продолжил научную стезю Шокана Валиханова, Мухтара Ауезова, Сабита Муканова,

Ауелбека Кобыратбаева, Алкея Маргулана и Малика Габдуллина, Кенжебая Бейсенбаева и Заки Ахметова.

Известный поэт Касымхан Бегманов при жизни записал в магнитофон сокровенные разговоры со старцем-этнографом Жагда Бабалыкулы, в результате вышла уникальная книга. Таким образом, бесценное знание не пропало даром.

Первый том избранных произведений ученого включает в себя научные исследования разных лет: «Казахская народная проза», «Мифология. Фольклор. Литература». В трудах «Казахская сказочная проза», «Колыбель искусства», «Золотая жила» также всесторонне исследованы истоки казахской художественной и философской мысли.

Со второго десятилетия Независимости при поддержке Первого Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева под руководством академика Сейита Каскабасова по государственной программе «Культурное наследие» стал осуществляться грандиозный проект «Бабалар сөзі» («Слово предков») в 100 томах. Во всем мире мало народов, которые с гордостью заявляли бы о таком богатейшем духовном наследии.

Традиционный казахский фольклор изначально был оригинальным. Как известно, Александр Пушкин перед смертью увлекся классическим сюжетом «Козы Корпеш-Баян Сулу», Владимир

Даль написал повесть на казахскую тему, Абубакир Диваев и Георгий Потанин собирали фольклорные материалы Великой степи.

Сейит Каскабасов подчеркивает в исследованиях, что в основе всех великих произведений лежат фольклорные мотивы. Он констатирует и тот факт, что самым величайшим создателем всегда и неизменно является народ. И еще никто не превзошел по силе художественности такие творения, как народные шедевры «Илиада», «Калевала».

Уместно упоминание о том, что ученый совершенно прав в своих утверждениях. Великий писатель эпохи Возрождения Франсуа Рабле в начале использовал одну из популярных народных легенд о великане Гаргантюа, позже она переросла в эпическое произведение. Роман Рабле бесспорно повлиял на Сервантеса, Свифта и Стерна. Рабле возглавлял список крупнейших европейских классиков-сатириков.

Казахский ученый не смешивает устную литературу с фольклором и дает четкую характеристику фольклорного жанра. Древнейшие сказания доходят до следующих поколений без автора, передаются из уст в уста, без письменного утверждения. По определению академика Сейита Каскабасова, именно устная литература играла для средневекового казаха роль профессиональной письменности, поскольку текст был очень устойчивым. Кочевые древнетюркские

племена Евразийской степи поистине обладали феноменальной и цепкой памятью.

Образцы средневековых европейских баллад также свидетельствуют, что в Старом свете бурно процветали фольклор и мифология. Характер баллады, по сути, являлся устным, созданным для пения. Баллады были рассчитаны на живых слушателей. Европейские баллады очень многообразны и богаты национальным колоритом.

Таинство и душа природы у древних греков перевоплотились в культ красоты. И наши предки обладали истинным особым чутьем, и поэтические воззрения их достойны высшего восторга. Сказки и эпосы до сих пор живут в душе настоящего казаха. Рационализм до конца еще не истребил древнюю роскошь бытия, века сумрачные, лета минувшие, волшебных книг прошлого, преданий и восприимчивости былого, искренней любви к сказкам в нас. «Как бы ауканье лесное / Иль эха чуткого ответ, / Порой доходит к нам былое...» (К.Случевский. «Мой стих, он не лишен значенья...»)

«Догматическая религия и наука уже давно убили в культурной Европе способность творить миф и поэзию. Она существует теперь только как врожденный и инстинктивный дар у детей, поэтов и народов, похожих на детей, таких как ирландцы – простых, веселых, благочестивых и неграмотных, которые не менялись веками, которых их язык отгородил от остальной Европы; наука, культура и холодные насмешки скептиков никогда еще не проникали за этот защитный покров», – так трогательно пишет Франческа С. Уайльд, мать Оскара Уайльда в своей книге «Легенды, заговоры и суеверия Ирландии».

Ирландский фольклор мне кажется удивительно схожим с казахским. Ирландцы, в сущности, такой же поэтический народ, как казахи, у них вовсе не забыт живой язык природы, и они всегда помнят истинное народное слово.

Один из классических исследователей античности Роберт Грейвс писал о том же, о чем горько сетовала Франческа С. Уайльд: «Современная цивилизация обесчестила важнейшие символы поэзии... Ныне за деньги можно купить почти все, кроме истины, и почти всякого, кроме одержимого истиной поэта».

Р. Грейвс чутко исследовал язык поэтического мифа, поскольку считал его магическим, языком истинной поэзии, «безупречного изначального истока, а не искусственного заменителя».

С точки зрения истинного носителя духа древности и передатчика, настоятелями, можно сказать, посвященный жрецами современности выступают ученые-этнографы, фольклористы. Иначе их еще называют абыз. Они отвращают человечество от одномерного, однородного и бездуховного мира, чреватого глобализацией, где устойчиво происходит всеобщее упрощение священных и духовных ценностей, обеднение языков в эпоху прагматизма и рекламных жаргонов.

У казахов имеются много легендарных и мифологических сюжетов. В них рассматриваются чудесное рождение мифического героя, и в нем обязательно присутствуют элементы чудесных событий, фантастических деталей. Сейит Каскабасов приводит в пример таких героев, как Баба Тукти Шашты Азиз и его славного сына Едиге.

Не зря однажды Алкей Маргулан говорил Сейиту Каскабасову: «Я пишу научную родословную казахских племен. Вот завершил родословную кереев. Приступил к родословной аргын». Шежире – родословная, история рода для казахского мышления стала уже настоящим литературным жанром. Преемственность всегда важна для науки.

Этнография и фольклор еще для одного казахского литератора, Акселеу Сейдимбека, тоже стали делом жизни. Он являлся настоящим посвященным абызом.

Искренняя любовь к старинным балладам из «Наследия древней поэзии» Персии возбуждала живое воображение Вальтера Скотта. Таким образом, через вдохновенное гусиное перо Вальтера Скотта художественно воскресла история шотландского народа.

Сейит Аскаревич детально анализирует и ответственно заявляет, что миф, мифология, фольклор – это неисчерпаемая духовная ценность.

Анализ мифологических и символических аспектов казахской философской мысли требует подробного научного подхода. Так как казахский эпос чересчур богат содержанием, изобилует вариативностью, при изучении колоссального объема нужно еще уловить главные черты древнейших преданий.

Академик Каскабасов верно называет «Козы Корпеш-Баян Сулу» вершиной казахского эпоса. Классический эпос, рожденный в самой лирической форме – любовном эпосе, включает в себя все его основные качества. Ученый детально описывает, что до встречи с возлюбленной у Козы было второе

имя «Айдай Козы» («Козы луноподобный»), потом его нарекают «Ер Козы», то есть героем.

Эпос остается непревзойденным шедевром народного творения, поскольку неизвестные поэты и жырау из народа в течение нескольких веков отшлифовали его поэтические грани, как алмаз. Его мощь и сила сказываются в искусной композиции и бескомпромиссном конфликте вокруг героев.

В фольклоре отсутствует авторский характер, который явно присущ литературе.

«Мир героической поэзии (в ее архаических пластах) – это не психологизированный мир свободного волеизъявления героя; это мир мифа, магии и ритуала. Ранние героические песни «Эдды» восходят к столь же далекой и архаической стадии, как и песни о богах», – такое утверждение есть у Арона Яковлевича Гуревича, специалиста по скандинавской средневековой литературе.

Об источнике поэзии ученые спорят с античных времен. Для казахской ментальности поэзия жырау – сугубо национальное явление. Если считать сагу как феномен исландской культуры, для казахского сознания и уклада жизни поэзия жырау имеет столь же созидательную силу, духовную мощь в народе.

Жырау мог быть историком, поэтом, ритором, пламенным вождем, оракулом, воином, героем, полководцем, патриотом, государственным мужем. А также приближенным хана, его советником, а иногда и противником в одном лице. Но он неизменен в своей искренней любви к Отчизне. Дело государственное для жырау – свято.

Уникальность личности жырау ярко выражена в дошедших до потомков отрывках толғау. Благодаря поэзии жырау казахская речь обладает магическими и бесценными достоинствами.

Настоящее всегда связано с прошлым. В самой идее «Мәңгілік Ел» лежат творческие порывы и доблестные деяния жырау. Современность без прошлого, без исторических деяний славных предков потеряна для потомков. Существует на белом свете несколько культур. Классические народы требуют от других и сами открыто демонстрируют чуткость к своим истокам как к живительной силе, как предмету особой национальной гордости.

Сейит Каскабасов четко проявляет зоркость к стихии средневекового толғау, философско-дидактическому жанру литературы. Он сделал классификацию поэзии жырау. Логический

анализ совмещает исторические периоды жизни и творчества жырау. Рассматриваются характеристика и этапы становления фольклорного жанра. Ученый научно доказывает, что в фольклоре постепенно происходит художественное обобщение, когда его сюжет состоит только из одного события.

Пока фольклорный сюжет не образует цикл, он не будет обладать устойчивостью, значит, ему еще не суждено превращаться в фольклорное произведение. На основе же этих сюжетов создаются объемные произведения. Фольклор требует в своей основе устойчивости.

Песнь о былом подвиге, она была своего рода талисманом, защитой в час испытаний для любого народа. Фольклорные герои во всем блещут мудростью, красотой и отличаются доблестными нравственными качествами.

Академик Сейит Каскабасов верно пишет, что в мифологии происходит вознесение главного героя. Герой уже при рождении должен пройти сквозь огонь и воду, преодолеть любые трудности. Сиротство есть фольклорная эстетика.

В монографии «Поэзия жырау – классическая устная литература» академик Сейит Каскабасов дает профессиональную научную оценку творчеству жырау, начиная с Асана Сабитулы, прозванного в народе Асаном Қайғы (Печальным), Казтугана Суйинушулы, Шалкиииза Тиленшиулы, Айдамата Доспамбет жырау, Жиёмбета Биртогашулы, Ақтамберди Сарыулы, Таттикара, завершая Умбетей Тилеуулы. Жырау были мастерами собственного портрета, нередко их лирическое «я» выражали народную мудрость и чаяния.

P.S.

Как действующий современный казахский автор, как носитель художественной прозы я в своих рассказах и повестях всегда восторженно пользуюсь фольклорными и мифическими мотивами. Почти вся моя малая проза не обошлась без вечнозеленых листьев и живительного сока мифологии и божественного дара фольклора.

О них можно смело утверждать как о магической прозе, в которой восстановлены былая связь с архаическим пластом казахской словесности, где явно проявляются бессознательные таинственные штрихи генетического кода. Безусловно утверждаю: без магии нет искусства!